

Старообрядческая семья в СССР как объект историко-демографического изучения в постсоветской российской историографии

К. А. Латышев

Институт истории Национальной академии наук Беларуси,
Республика Беларусь, г. Минск
Dzirtig@gmail.com

Аннотация

В статье осуществлен анализ изучения старообрядческой семьи в постсоветской историографии в рамках историко-демографического изучения. В постсоветской историографии наблюдается тенденция к расширению научных проблем, для решения которых изучается старообрядческая семья. Наиболее актуально это при изучении истории советского периода. Причина – в существенной и резкой трансформации общества. Закрытость и традиционность старообрядческого общества опирались на религиозный фактор. Выявление роли семьи в сохранении традиционности – одно из основных направлений изучения истории старообрядческой семьи в постсоветской историографии. Схожим образом изучается сохранение религиозности в условиях антирелигиозного давления; существование традиционного религиозного воспитания. Ввиду того, что институт семьи является одним из наиболее традиционных и наименее подверженных изменениям, весь спектр обнаруженных изменений обладает для исследователей существенной научной ценностью. Специфика трактовок выявленных изменений зависит от субъективных взглядов исследователей. Историография истории старообрядческой семьи отличается явно выраженной региональной спецификой. Она объясняется спецификой территориального проживания последователей старообрядчества и степенью изученности проблемы в различных регионах. В настоящее время отсутствуют обобщающие исследования, охватывающие всю территорию России. Вместе с тем существенной методологической разницы между региональными исследованиями не наблюдается. Отличия связаны преимущественно со спецификой исторической ситуации в конкретном месте и конкретный период. Такая историографическая ситуация повышает эффективность компаративного анализа при изучении истории старообрядчества.

Ключевые слова:

старообрядчество, постсоветская историография, история старообрядчества, старообрядчество в СССР, старообрядческая семья, историко-демографическое изучение

Old Believer family in the USSR as an object of historical and demographic study in post-Soviet Russian historiography

K. A. Latyshev

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Republic of Belarus, Minsk
Dzirtig@gmail.com

Abstract

The paper analyzes the study of the Old Believer family in post-Soviet historiography within the framework of historical and demographic research. In post-Soviet historiography, there is a tendency to expand the scientific problems for which the Old Believer family is studied. This is most relevant when studying the history of the Soviet period. The reason is a significant and abrupt transformation of society. The closed nature and traditionalism of the Old Believer society relied on the religious factor. Identifying the role of the family in preserving tradition is one of the main areas of studying the history of the Old Believer family in post-Soviet historiography. Similarly, the preservation of religiosity in the context of anti-religious pressure; the existence of traditional religious education are studied. Due to the fact that the institution of the family is one of the most traditional and least susceptible to change, the entire spectrum of the discovered changes has significant scientific value for researchers. The specificity of interpretations of the identified changes depends on the subjective views of the researchers. The historiography of the history of the Old Believer family is distinguished by clearly expressed regional specifics. This is explained by the specifics of the territorial residence of the followers of the Old Believers and the degree of study of the problem in different regions. At present, there are no general studies covering the entire territory of Russia. At the same time, there is no significant methodological difference between regional studies. The differences are associated primarily with the specifics of the historical situation in a particular place and in a particular period. Such a historiographic situation increases the effectiveness of comparative analysis in studying the history of the Old Believers.

Keywords:

Old Believers, post-Soviet historiography, history of the Old Believers, Old Believers in the USSR, Old Believer family, historical and demographic study

Старообрядчество – совокупность неунифицированных религиозных течений, сформировавшихся после разделения Русской православной церкви по итогам реформы 1660-х гг. Старообрядчество на протяжении всего периода своего существования представляло собой объединения верующих в многочисленные согласия и толки (объединения различного размера, основанные на специфике вероучительной и обрядовой практики), допускающие, в том числе, и кардинально разное трактование названных практик. Вместе с тем для последователей старообрядчества характерна высокая традиционность в социальной, религиозной, семейной и др. сферах жизни, что позволяет осуществлять широкие обобщения с определенным абстрагированием от специфики старообрядческого разделения по религиозным признакам.

Данный подход позволяет использовать обобщение «старообрядчество» в целом и «старообрядческая семья» в частности с необходимыми уточнениями о принадлежности объектов к конкретным старообрядческим течениям в случаях, когда религиозная принадлежность оказывает прямое влияние на специфику внутрисемейного или внутриобщинного положения конкретных индивидуумов или групп индивидуумов.

Старообрядческая семья является объектом научного исследования на протяжении длительного времени. Особой значимостью обладает ее изучение при анализе положения старообрядчества непосредственно в советский период. Причина роста значимости заключается в существенной и краткосрочной трансформации советского общества, частью которого являлись старообрядцы, проживающие на территории СССР.

Существенные изменения, происходящие в советском обществе, напрямую коснулись старообрядчества и оказали влияние на специфику положения семьи, которая оставалась ключевым элементом в сохранении традиционализма. Институт семьи наиболее существенно затронули изменения: в системе бракоразводных отношений; в системе школьного образования (так как для старообрядчества была характерна семейная школа); в религиозной сфере жизни общества. Выделение данных изменений осуществлено нами на основании наиболее изучаемых проблем, широко представленных в постсоветской историографии истории старообрядчества, наиболее точно передающих социальные изменения старообрядческого сообщества.

Вопросы старообрядческой миграции, являющиеся одними из наиболее значимых аспектов научного изучения положения старообрядчества в период Российской империи, в некоторой степени теряют актуальность при изучении старообрядчества советского периода. Причина в существенном уменьшении масштабов миграции, ввиду распространения советской власти и укрепления местной власти в регионах, что оказало влияние на внутреннюю миграцию. Ограничения, вызванные данными изменениями, отразились в специфике деятельности старообрядческой семьи, что отразилось в специфике сохранения религиозно-культурных традиций, ввиду существенного снижения возможности «бегства» от давления государства.

В настоящее время отсутствуют обобщающие исторические исследования истории старообрядчества советского периода в территориальных рамках СССР либо современной Российской Федерации. В постсоветской российской исторической науке изучение истории старообрядчества осуществляется на региональном уровне, существенное накопление конкретно-исторического материала нашло отражение в значительном объеме научных текстов. Так, в качестве примера можно привести ряд актуальных монографий, в которых ясно прослеживается региональный характер осуществляемых исследований. На уровне монографий четко отражается исследовательский акцент на места компактного проживания старообрядчества.

В первую очередь, это Байкальский регион (в рамках современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края), представленный широким рядом монографий: Куприяновой И. В. «Старообрядцы Алтая в первой трети XX в.» (2010), «Старообрядцы Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX вв.)» (2021) [1, 2]; Васильевой С. В. «Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники» (2010) [3]; Пыкина В. М. «От Ветки до Забайкалья: очерки истории и родовые семейских» (2019) [4]; Кострова А. В. «Старообрядчество Байкальской Сибири в “переходный” период отечественной истории (1905–1930-е гг.)» (2010); [5], за тем же авторством «Старообрядчество Прибайкалья» (2019) [6]. Подобная публикационная активность связана не только с существенным количеством исторического материала в рамках данного региона, но и особым статусом региона для истории старообрядчества, именно он был «одним из основных регионов – трансляторов традиций старообрядчества» [7, с. 8], что отметила Васильева С. В. в монографии «Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX вв.)» [7].

Существенна историография истории старообрядчества Урала как другого региона, для которого характерно компактное проживание старообрядчества. Исследовательская деятельность на материалах данного региона может быть представлена монографиями. Белобородова С. А. и Боровик Ю. В., публикующие свои исследования как совместно: «Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII–начала XX в.» (2017) [8], так и индивидуально: Боровик Ю. В.: «Старообрядцы уральского города во второй половине XIX–начале XX вв.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга» (2019) [9]; «Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927)» (2019) [10].

Иные регионы не имеют столь широкого отражения на уровне монографий. Советский период в них может затрагиваться лишь частично или только определенный его этап, зачастую обладающий особой спецификой. В качестве примера можно использовать труды таких ученых, как А. В. Апанасенок («Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII–начале XX века» (2016) [11]), А. А. Машковцев («Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX–начале

XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью» (2015) [12]), В. В. Власова («Старообрядческие группы Коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни» (2010) [13]), или коллективную монографию «Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от "золотого века" до военного лихолетья» (2019) за авторством М. В. Кочергиной, В. В. Дзюбана, А. В. Третьякова [14].

Представить исчерпывающий перечень монографий не представляется возможным, однако данное обобщение позволяет говорить о широком региональном изучении истории старообрядчества в постсоветской российской историографии и подчеркивает существенный объем конкретно-исторических исследований истории старообрядчества, посвященных советскому периоду. Изучение старообрядческой семьи является одним из исследуемых аспектов, отражаемых в рамках специфики конкретных исследований. Особой значимостью для анализа специфики изучения истории старообрядческой семьи обладают узкотематические научные статьи, в которых акцентированно анализируется положение старообрядческой семьи в советский период и историографическое обобщение таковых.

А. П. Веселовой был осуществлен историографический обзор исследовательских практик при изучении старообрядческой семьи [15]. Исследователем не осуществлялся отдельно анализ постсоветской историографии, вместе с тем ценностью обладает выявление этнографического, юридического и социологического подходов к изучению старообрядческой семьи. Большим методологическим значением обладает статья И. В. Куприяновой «Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта» [16] ввиду всестороннего подхода к изучению старообрядческой семьи как необходимой для ценностной опоры в условиях трансформации старообрядческого сообщества и, соответственно, трансформации функционального значения института семьи. С точки зрения автора, И. В. Куприянова раскрыла социологический подход, выделенный А. П. Веселовой в качестве перспективного (на 2007 г.), сохранив фокус внимания на старообрядческой семье советского периода сквозь ее связи с внешним миром (как с общиной, так и с «не старообрядческим» социумом). Одним из важных аспектов, выделенных И. В. Куприяновой, являлась конфессиональная однородность. Вопрос конфессиональной однородности семьи подробно рассматривался В. В. Власовой на примере коми старообрядчества [13, 17]. Специфика хронологических рамок исследования (XIX–XX вв.), а также минимум информации о довоенном положении старообрядчества в данном регионе не позволяют автору акцентированно отразить процесс трансформации старообрядческой семьи в довоенный период существования старообрядчества в СССР. В то же время В. В. Власовой приведены примеры семей, в которых муж и жена придерживаются разных религиозных убеждений, и прослеживается процесс становления такого типа семейных взаимоотношений, считающихся нетрадиционными для старообрядчества, и зачастую наблюдающийся

исследователями непосредственно с первой трети XX в. Однако в представленных региональных исследованиях ключевым аспектом выступает религиозная специфика деятельности семьи в качестве самостоятельного объекта изучения, а не как механизм отражения изменений, характерных для советского периода в истории старообрядчества.

Л. Н. Мукаева в статье «Старообрядческая семья Южного Алтая в ее историко-социальном развитии» [18] сформулировала существенное отличие досоветской и постсоветской историографии, посвященной истории старообрядческой семьи: «В досоветский период истории основное внимание уделяли изучению сословий российского общества, а также общине как важнейшему инструменту социальной жизни. Крестьянская семья если и рассматривалась, то только как отдельная хозяйственная единица внутри системы общинных отношений» [там же, с. 87]. Данное уточнение позволяет достаточно точно отразить специфику изменений постсоветского периода, когда на первое место выходят широкий перечень социальных функций семьи и отражение через семью изменений в жизни регионального сообщества. Корректно сказать, что специфика изучения семьи в постсоветской исторической науке соответствует определению, представленному Л. Н. Мукаевой: «Семья предстает маленьким зеркалом большого общества» [там же]. Необходимо отметить научную новизну соотношений семей Южного Алтая с кембриджской классификацией семей А. Ласлета и ее русских вариаций. С учетом широких хронологических рамок, включающих как «имперский», так и «советский» периоды материал позволяет проследить формальные изменения в типе принятых отношений в условиях специфики региона в условиях длительных миграций. Несмотря на то, что Южный Алтай не может рассматриваться как «типичный» внутрисоветский регион, большой ценностью обладают примеры соотношений сущности брачных связей с религиозной парадигмой. Л. Н. Мукаева подчеркивает, что материальные и социальные факторы в условиях снижения значения религиозных факторов обретают большее значение в модели семьи и, соответственно, снижают уровень автократии патриарха. Она же делает отдельный акцент на том, что это специфика изучаемого региона. Вместе с тем, мы считаем нужным отметить, что подобная ситуация широко представлена в постсоветской историографии при анализе специфики изменений социального взаимодействия в старообрядческой семье советского периода.

В. А. Есипова и А. Я. Яковлев, рассматривая историю старообрядческой семьи, проживавшей на территории Алтая, а в 1930-х гг. сосланной в Томскую область [19], по материалам сохранившихся семейных рукописей выявили ряд уникальных сведений как о старообрядческой миграции внутри государства в рамках административного воздействия, так и о специфике внутрисемейного восприятия данных событий. Особой научной ценностью данная статья обладает ввиду того, что в ней представлено изучение редкого исторического источника – позднесоветских старообрядческих рукописей (написанных в районе 1980-х гг.). Записки Евдены Фотеевой представляют ряд

редких свидетельств о периоде изменений старообрядческого традиционализма в СССР в довоенный период. Так, именно она являлась главой семьи, несмотря на то, что соблюдала все старообрядческие традиции (старообрядческие посты, ежедневные моления и традиционную одежду, классическое для кержаков разделение посуды на свою и никонианскую (у старообрядцев байкальского региона широко представлена традиция разделять посуду из которой можно потреблять пищу, для неверующих, православных и даже старообрядцев других течений зачастую выделялась отдельная посуда. Данная традиция широко известна, но характерна не для всего старообрядческого сообщества – К. Л.), при всем этом «Евдинья обладала правом решающего голоса при решении семейных вопросов» [19, с. 69]. Ее муж, также старообрядец, не отличался столь детальным следованием старообрядческой традиции. Данная ситуация, что широко подчеркивается исследователями, является нестандартной лишь при соотношении ее с практикой брачных отношений в истории старообрядчества, при межрегиональных сравнениях подобные примеры (когда женщина в семье глубоко религиозна, а мужчина от религиозных функций абстрагируется в определенной степени) встречаются широко. Версия, объясняющая их распространение, достаточно подробно описана в исследовании И. В. Куприяновой [16], мы лишь отметим, что это часть старообрядческого традиционализма, в рамках которого воспитанием, в том числе и трансляцией религиозных норм и обычаев занималась именно женщина, что в условиях существенного советского антирелигиозного давления коренным образом изменено не было.

Наряду со значимыми социальными изменениями В. А. Есипова и В. А. Яковлев отразили еще один значимый аспект – восприятие данной семьи местными старообрядцами. Ведя речь о советском периоде и бытовых взаимоотношениях между детьми, исследователи транслируют детские воспоминания о том, какие были в ходу дразнения: «Сибиряк – с печки бряк!», – а те им в ответ: «Поляк – с печки бряк!» [19, с. 73]. Специфика этноконфессионального разделения старообрядчества на Алтае и в байкальском регионе подробно освещена на уровне монографий и научных статей в исследованиях Н. Н. Покровского, Н. Д. Зольниковой, И. В. Куприяновой, А. В. Кострова, Н. А. Старухина и др., в рамках данной статьи нет возможности для детального погружения в вышеуказанную проблему. Необходимо подчеркнуть, что самоидентификация, один из примеров которой был нами ранее приведен из практики взаимоотношения детей, также осуществлялась на основании специфики семейного воспитания. В. А. Есипова и А. Я. Яковлев отмечают, что несмотря на арест (раскулачивание в 1930-м г.) и ссылку в доме Яковлевых систематически осуществлялись религиозные действия среди старообрядцев не только конкретного поселения, но и региона, несмотря на то, что речь идет о периоде 1930–1950-х гг. Представленное исследование не совсем корректно относить к «специализированным» или тематическим в аспекте изучения семьи, однако специфика отраженного авторами материала в полной мере соответствует современной, постсоветской тенденции и измене-

нию фокуса внимания на социальную функцию семьи, на ее изменение и отражаемые через нее изменения в старообрядческом сообществе. В том числе и те, которые были прямо выражены государственным давлением. В контексте данной ситуации представляет интерес одно из положений, представленных в статье Н. В. Абаева и О. В. Жукова, опубликованной на английском языке в 2018 г. [20], в рамках которой они подчёркивают, что благодаря сильному внешнему давлению старообрядческая культура сохранилась в своем многообразии [там же, с. 1182]. Данный посыл касается периода существования старообрядчества в Российской империи, однако он представляется важным, ввиду того, что одной из функций семьи в советский период являлись сохранение старообрядческой идентичности и формирование основы для самоидентификации в условиях внешнего давления, несмотря на то, что его специфика, по сравнению с имперским периодом, существенно изменилась.

Вопрос государственного давления (в данной ситуации под государственным давлением мы понимаем как репрессивные действия, так и механизмы, запрещающие традиционные религиозные стороны жизни, такие как закрытия церкви, разделение школы и церкви и др.) остается одним из центральных в рамках исследований, посвященных истории старообрядчества, что косвенно подтверждается тематикой представленных в данной статье российских региональных монографий. Вместе с тем изменения в традиционном быте и практиках старообрядческой семьи – важный фактор, используемый в качестве маркера изменений в сверхкоротких хронологических рамках. Так, М. П. Наговицына, анализируя положение старообрядчества в Кировской области, подчеркивала широкие отступления от традиции, в том числе и иницируемые старообрядческими женщинами, например: «... несмотря на сопротивление новой власти, большинству местных старообрядческих обществ со временем пришлось принять правила жизни, продиктованные сверху. Староверы вспоминают: "Времена ведь менялись... Пионерия – Бога нет, комсомол – Бога нет. Мама наша это понимала и не навязывала нам молиться. И мы даже как-то молиться перестали"» [21, с. 28]. Кроме этого, исследователем были отмечены механизмы, вызвавшие относительную популяризацию советской культуры в старообрядческих поселениях Вятского края, а именно «создание новой культурной инфраструктуры (избы-читальни, клубы, радиофикация» [там же].

Мы считаем необходимым уточнить, что описанные действия советской власти в настоящее время по-разному оцениваются исследователями. Представленная М. П. Наговицыной трактовка, т. е. использование достижений технического прогресса и новых культурных форм с целью «популяризации» советской культуры в старообрядческой среде, дополняется иной формой. Аналогичные действия советской власти могут рассматриваться как инструмент советской пропаганды и, в частности, антирелигиозной политики, которые намеренно используются (в том числе) и для разрушения замкнутой традиционной общины. Подобные трактовки чаще встречаются в исследованиях, на-

правленных на изучение принципов государственно-старообрядческих взаимоотношений, нежели при изучении статуса и деятельности традиционной семьи. Необходимо подчеркнуть, что данные исследования также имеют собственную доказательную базу, элементом которой являются статистические сведения о количестве старообрядцев в конкретных регионах, а также о количествах старообрядцев и отдельных представителей старообрядческого сообщества (уставщиков, начетчиков и др.), подвергнутых советским репрессиям. Такой поход автор отмечает преимущественно в исследованиях, посвященных периоду 1920–1930-х гг., когда происходят становление советской антирелигиозной политики и наиболее активный этап репрессивной деятельности в отношении религиозной части населения. Более подробно проблема отождествления антирелигиозной агитации и пропаганды и антирелигиозных репрессий отражена автором в соответствующей публикации [22].

Практика сохранения идентичности и старообрядческого традиционализма непосредственно в условиях внешнего давления через изучение семьи – часть современной историографической традиции. Акценты, расставляемые исследователем, вытекают из конкретной региональной ситуации и, в определенной степени, из собственного исследовательского опыта автора. Ввиду чего, отмеченные нами ранее противоречия в исследовательских подходах к сопротивлению административному давлению не следует рассматривать с позиции критики. А. А. Рублева на основании серии экспедиций проанализировала сохранение традиционализма на примере выходцев из дер. Макурино (Кемеровская обл.) [23]. Используя этнический (этнокультурный) подход к пониманию идентичности, при осуществлении исследования особое внимание уделялось самоидентификации местного населения. Примечательно, что информанты осуществляли идентификацию, обращаясь к практике семейного традиционализма и отслеживаемой истории рода. Общинность (т. е. непосредственно фактор взаимодействия между родами) отмечалась на акцентах религиозной деятельности (к примеру, подпольное обучение детей старославянскому языку в период советской власти и т. д.), связанных со спецификой старообрядческой веры. А. А. Рублева отмечала, что информанты помнили многие кержацкие традиции, однако в период 1950–1970-х гг. на практике отказались от определенных традиционных убеждений, в частности, в рамках бракоразводного процесса и обиденной жизни. Представляет определенный интерес описание причины «нестарообрядческого» воспитания, которой информанты называли «запрет на религию в советское время, контроль над которым осуществлялся на уровне школы» [там же, с. 924], что соответствует достаточно широкому отражению социальных факторов, влияющих на трансляцию идентичности через семью, но нарушаемую социальной средой жизни подрастающего поколения.

Старообрядческая семья советского периода на протяжении длительного времени является объектом историко-демографического изучения. В постсоветской исторической науке сформировано относительно новое направление изучения старообрядческой семьи. Оно

заключается в изучении изменений в положении и традиционализме старообрядческой среды, которые будут фактором, отражающим трансформацию старообрядческого сообщества в условиях советской специфики. Данный аспект редко является центральным в осуществляемых исследованиях, вместе с тем он широко используется в работах, которые посвящены старообрядческому традиционализму, взаимоотношениям советской власти и старообрядческих общин, административному и репрессивному воздействию советской власти на последователей старообрядчества. В то же время необходимо подчеркнуть, что специфика включения данного исторического материала в исследовательскую деятельность зависит от исследователя парадигмы автора и его субъективных взглядов на исторический процесс. Несмотря на это, изучение истории старообрядческой семьи можно считать одной из современных исследовательских тенденций, расширение которой наблюдается в исторической науке. Корректно говорить не только о количественном росте исследований, объектом изучения которых в той или иной степени является старообрядческая семья, но и о существенном росте исследуемых проблем, решение которых осуществляется через изучение специфики истории функции семьи в жизни старообрядческого сообщества. Ярко выраженный региональный характер исследований, посвященных старообрядческой семье, вытекает из регионального уровня изучения старообрядчества в целом, который характерен для постсоветской исторической науки.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники и литература

1. Куприянова, И. В. Старообрядцы Алтая в первой трети XX века / И. В. Куприянова. – Барнаул : Изд-во АлтГАКИ, 2010. – 247 с.
2. Куприянова, И. В. Старообрядцы Алтая в период радикальной трансформации российского общества (конец XIX – первая треть XX века) / И. В. Куприянова. – Барнаул : Алтайский государственный институт культуры, 2021. – 273 с.
3. Васильева, С. В. Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Байкальском регионе XVII–XXI вв.: историография и источники / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 202 с.
4. Пыкин, В. М. От Ветки до Забайкалья: очерки истории и родословные семейских / В. М. Пыкин. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2019. – 200 с.
5. Костров, А. В. Старообрядчество Байкальской Сибири в «переходный» период отечественной истории (1905–1930-е гг.) / А. В. Костров. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2010. – 443 с.
6. Костров, А. В. Старообрядчество Прибайкалья / А. В. Костров. – Иркутск : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Оттиск», 2019. – 56 с.
7. Васильева, С. В. Власть и старообрядцы Забайкалья (XVII–XX вв.) / С. В. Васильева. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2007. – 231 с.

8. Белобородов, С. А. Староверы горнозаводского Урала: страницы истории согласия беглопоповцев/часовенных XVIII–начала XX в. / С. А. Белобородов, Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. – 382 с.
9. Боровик, Ю. В. Старообрядцы уральского города во второй половине XIX – начале XX в.: конфессиональное сообщество и семья Екатеринбурга / Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 448 с.
10. Боровик, Ю. В. Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1927) / Ю. В. Боровик. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. – 212 с.
11. Апанасенок, А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII–начале XX века / А. В. Апанасенок. – Москва: НИЦ ИНФРА-М – 2016. – 397 с.
12. Машковцев, А. А. Старообрядцы и сектанты Вятской губернии во второй половине XIX–начале XX века: взаимоотношения с региональными властями и православной церковью / А. А. Машковцев, В. В. Машковцева. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – 219 с.
13. Власова, В. В. Старообрядческие группы коми: конфессиональные особенности социальной и обрядовой жизни / В. В. Власова. – Сыктывкар: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2010. – 172 с.
14. Кочергина, М. В. Стародубье и Ветка в истории и культуре русского старообрядчества (1905–1930 гг.): деятельность общин от «золотого века» до военного лихолетья / М. В. Кочергина, В. В. Дзюбан, А. В. Третьяков. – Брянск : Консорциум «Аверс», 2019. – 312 с.
15. Веселова, А. П. Исследовательские практики при изучении старообрядческой семьи: историографический обзор / А. П. Веселова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 300–3. – С. 52–54.
16. Куприянова, И. В. Старообрядческая семья: религиозно-культурная доминанта / И. В. Куприянова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 4 (41). – С. 326–330.
17. Власова, В. В. Семья и брак в старообрядческих общинах коми в конце XIX–XX вв. / В. В. Власова // Историческая демография. – 2010. – № 1(5). – С. 57–63.
18. Мукаева, Л. Н. Старообрядческая семья Южного Алтая в ее историко-социальном развитии / Л. Н. Мукаева // Этносоциальные процессы в Сибири : Тематический сборник: материалы VII Международного семинара, Горно-Алтайск, 30 июня – 02 июля 2003 года. Том Выпуск 6. – Новосибирск : Издательско-полиграфический дом «Нонпарель», 2004. – С. 87–90.
19. Есипова, В. А. История одной крестьянской семьи и старообрядческие рукописи конца XX века: из недавних поступлений в Научную библиотеку Томского университета / В. А. Есипова, Я. А. Яковлев // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 4 (10). – С. 69–98.
20. Abaev, N. V. Historiography of the Old Belief and Researchers Coming from the Old Believers in the Baikal Region / N. V. Abaev, O. V. Zhuk // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 8. – P. 1174–1187. – DOI 10.17516/1997-1370-0300.
21. Наговицына, М. П. Старообрядческие семьи в период исторических событий начала XX в. (по материалам Кировской обл.) / М. П. Наговицына // Этнокультурные процессы в многонациональном государстве (к 100-летию Революции 1917 года в России) : материалы XVI Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений, Санкт-Петербург, 05–14 декабря 2017 года / отв. науч. ред.: В. М. Грусман, Е. Е. Герасименко. – Санкт-Петербург : Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна, 2017. – С. 26–30.
22. Латышев, К. А. Историография политики Советского государства 1929–1939 гг. в отношении старообрядчества / К. А. Латышев // Журнал Белорусского государственного университета. История. – 2021. – № 2. – С. 74–84. – DOI 10.33581/2520-6338-2021-2-74-84
23. Рублева, А. А. Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года) / А. А. Рублева // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2022. – Т. 28. – С. 921–926. – DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0921-0926.

Referens

1. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcy Altaya v pervoj tretej XX veka [The Old Believers of Altai in the first third of the XX century] / I. V. Kupriyanova. – Barnaul: Altai State Academy of Culture and Arts Publ., 2010. – 247 p.
2. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcy Altaya v period radikal'noj transformacii rossijskogo obshchestva (konec XIX - pervaya tret' XX veka) [The Old Believers of Altai in the period of radical transformation of Russian society (the end of the XIX - first third of the XX century)] / I. V. Kupriyanova. – Barnaul: Altai State Inst. of Culture, 2021. – 273 p.
3. Vasilyeva, S. V. Gosudarstvennaya konfessional'naya politika po otnosheniyu k staroobryadchestvu v Bajkal'skom regione XVII–XXI vv.: istoriografiya i istochniki [State Confessional Policy towards Old Believers in the Baikal region of the XVII–XXI centuries: historiography and sources] / S. V. Vasilyeva. – Ulan-Ude : Buryat Sci. Centre, Siberian Branch, RAS, Publ. House, 2010. – 202 p.
4. Pykin, V. M. Ot Vetki do Zabajkal'ya: ocherki istorii i rodoslovnye semejskih [From Vetka to Transbaikalia: essays on the history and pedigrees of the Semeyskys] / V. M. Pykin. – Ulan-Ude: Buryat State Univ., 2019. – 200 p.
5. Kostrov, A. V. Staroobryadchestvo Bajkal'skoj Sibiri v "perekhodnyj" period otechestvennoj istorii (1905–1930–eg.) [The Old Believers of Baikal Siberia in the "transitional" period of national history (1905–1930s)] / A. V. Kostrov. – Irkutsk: Irkutsk State Univ., 2010. – 443 p.
6. Kostrov, A. V. Staroobryadchestvo Pribajkal'ya [The Old Believers of the Baikal Region] / A. V. Kostrov. – Irkutsk: "Ottisk Publishing House" LLC, 2019. – 56 p.

7. Vasilyeva, S. V. Vlast' i staroobryadcy Zabajkal'ya (XVII–XX vv.) [The government and the Old Believers of Transbaikalia (XVII–XX centuries)] / S. V. Vasilyeva. – Ulan-Ude: Buryat State Univ. Publ. House, 2007. – 231 p.
8. Beloborodov, S. A. Starovery gornozavodskogo Urala: stranicy istorii soglasiya beglopopovcev/chasovennykh XVIII – nachala XX v. [Old Believers of the Ural Mining and Metallurgical Region: pages of the history of the Beglopopovtsy/Chasovenny Consent of the XVIII–early XX centuries] / S. A. Beloborodov, Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. House, 2017. – 382 p.
9. Borovik, Yu. V. Staroobryadcy ural'skogo goroda vo vtoroj polovine XIX– nachale XX v.: konfessional'noe soobshchestvo i sem'ya Ekaterinburga [The Old Believers of the Ural town in the second half of the XIX–early XX century: the confessional community and the family of Ekaterinburg] / Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Univ. Publ. House, 2019. – 448 p.
10. Borovik, Yu. V. Staroobryadchestvo Urala i Zaural'ya na perelome epoch (1905–1927) [Old Believers of the Urals and Trans-Urals at the turn of the epochs (1905–1927)] / Yu. V. Borovik. – Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Eltsin, 2019. – 212 p.
11. Apanasenok, A. V. Religioznyj tradicionalizm v provincial'noj Rossii: istoriya staroobryadcheskikh soobshchestv Central'nogo Chernozem'ya v XVII – nachale XX veka [Religious traditionalism in provincial Russia: the history of Old Believer communities in the Central Black Earth Region in the XVII–early XX centuries] / A. V. Apanasenok. – Moscow: Research Center INFRA-M, 2016. – 397 p.
12. Mashkovtsev, A. A. Staroobryadcy i sektanty Vyatskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka: vzaimootnosheniya s regional'nymi vlastyami i pravoslavnoj cerkov'yu [Old Believers and Sectarians of Vyatka province in the second half of the XIX – early XX century: relations with regional authorities and the Orthodox Church] / A. A. Mashkovtsev, V. V. Mashkovtseva. – Kirov: "Raduga-PRESS" LLC, 2015. – 219 p.
13. Vlasova, V. V. Staroobryadcheskie gruppy komi: konfessional'nye osobennosti social'noj i obryadovoj zhizni [Old Believer groups of Komi: confessional features of social and ceremonial life] / V. V. Vlasova. – Syktyvkar: Komi Science Centre, Ural Branch, RAS, 2010. – 172 p.
14. Kochergina, M. V. Starodub'e i Vetka v istorii i kul'ture russkogo staroobryadchestva (1905–1930 gg): deyatelnost' obshchin ot "zolatogo veka" do voennogo liholet'ya [Starodubye and Vetka in the history and culture of Russian Old Believers (1905–1930): the activities of communities from the "golden age" to the hard times of war] / M. V. Kochergina, V. V. Dzyuban, A. V. Tretyakov. – Bryansk: Consortium "Avers", 2019. – 312 p.
15. Veselova, A. P. Issledovatel'skie praktiki pri izuchenii staroobryadcheskoj sem'i: istoriograficheskij obzor [Research practices in the study of the Old Believer family: a historiographical overview] / A. P. Veselova // Bull. of Tomsk State Univ. – 2007. – № 300–3. – P. 52–54.
16. Kupriyanova, I. V. Staroobryadcheskaya sem'ya: religiozno-kul'turnaya dominanta [The Old Believer family: a religious and cultural dominant] / I. V. Kupriyanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The world of science, culture and education]. – 2013. – № 4(41). – P. 326–330.
17. Vlasova, V. V. Sem'ya i brak v staroobryadcheskikh obshchinah komi v konce XIX–XX vv. [Family and marriage in the Old Believer communities of Komi at the end of the XIX–XX centuries] / V. V. Vlasova // Istoricheskaya demografiya [Historical demography]. – 2010. – № 1(5). – P. 57–63.
18. Mukaeva, L. N. Staroobryadcheskaya sem'ya Yuzhnogo Altaya v ee istoriko-social'nom razvitii [The Old Believer family of the Southern Altai in its historical and social development] / L. N. Mukaeva // Etnosocial'nye processy v Sibiri [Ethnosocial processes in Siberia]: A thematic collection: materials of the VII Intern. Seminar, Gorno-Altaysk, June 30 – July 02, 2003. Issue 6. – Novosibirsk: Publishing and printing house "Nonpareil", 2004. – P. 87–90.
19. Esipova, V. A. Istoriya odnoj krest'yanskoj sem'i i staroobryadcheskie rukopisi konca XX veka: iz nedavnykh postuplenij v Nauchnyu biblioteku Tomskogo universiteta [The history of a peasant family and Old Believer manuscripts of the end of the XX century: from recent additions to the Scientific Library of Tomsk University] / V. A. Esipova, Ya. A. Yakovlev // Tomsk J. of Linguistic and Anthropological Research. – 2015. – № 4(10). – P. 69–98.
20. Abaev, N. V. Historiography of the Old Belief and researchers coming from the Old Believers in the Baikal Region / N. V. Abaev, O. V. Zhuk // J. of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2018. – Vol. 11, No. 8. – P. 1174–1187. – DOI 10.17516/1997-1370-0300.
21. Nagovitsyna, M. P. Staroobryadcheskie sem'i v period istoricheskikh sobytij nachala HKH v. (po materialam Kirovskoj obl.) [Old Believer families in the period of historical events of the early XX century (case study of the Kirov region)] / M. P. Nagovitsyna // Ethnocultural processes in a multinational state (to the 100th anniversary of the 1917 Revolution in Russia): Materials of the 16-th Intern. St. Petersburg Ethnographic Readings, St. Petersburg, December 05–14, 2017 / Russian Ethnographic Museum; Sci. Eds. V. M. Grusman, E. E. Gerasimenko. – St. Petersburg: Publishing and Printing Center of St. Petersburg University of Technology and Design, 2017. – P. 26–30.
22. Latyshev, K. A. Istoriografiya politiki Sovetskogo gosudarstva 1929–1939 gg. v otnoshenii staroobryadchestva [Historiography of the policy of the Soviet state in 1929–1939 in relation to the Old Believers] / K. A. Latyshev // J. of Belarusian State Univ. History. – 2021. – № 2. – P. 74–84. – DOI 10.33581/2520-6338-2021-2-74-84
23. Rubleva, A. A. Potomki staroobryadcev derevni Makurino: praktika sohraneniya identichnosti (po materialam polevykh issledovanij 2022 goda) [Descendants of the Old Believers of the village of Makurino: the practice of preserving identity (based on the materials of field research in 2022)] / A. A. Rubleva // Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories. – 2022. – Vol. 28. – P. 921–926. – DOI 10.17746/2658-6193.2022.28.0921-0926.

Информация об авторе:

Латышев Кирилл Алексеевич – научный сотрудник центра всеобщей истории, международных отношений и геополитики Института истории Национальной академии наук Беларуси. <https://orcid.org/0000-0001-6886-0910> (220072, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Академическая, д. 1; e-mail: Dzirtig@gmail.com).

Author:

Kiryl A. Latyshev – Researcher at the Center for General History, International Relations and Geopolitics at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, <https://orcid.org/0000-0001-6886-0910> (1, Akademicheskaya st., Minsk 220072, Republic of Belarus; e-mail: Dzirtig@gmail.com).

Для цитирования:

Латышев, К. А. Старообрядческая семья в СССР как объект историко-демографического изучения в постсоветской российской историографии / К. А. Латышев // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Серия «Историческая демография». – 2024. – № 10 (76). – С. 98–105.

For citation:

Latyshev, K. A. Old Believer family in the USSR as an object of historical and demographic study in post-Soviet Russian historiography / K. A. Latushev // Proc. of the Komi Science Centre, Ural Branch, Russian Academy of Sciences. Series "Historical Demography". – 2024. – No. 10(76). – P. 98-105.

Дата поступления статьи: 23.09.2024

Прошла рецензирование: 25.09.2024

Принято решение о публикации: 12.12.2024

Received: 23.09.2024

Reviewed: 25.09.2024

Accepted: 12.12.2024